

— Я был неправ... Я всё понял... Пожалуйста, выпусти меня...

В тесной тёмной ванной тихий плач гулко отдавался от стен. Цзян Юй сидел, свернувшись в углу, с обнажённым торсом. Слабый луч света косо пробивался сквозь окно, выхватывая холодные кандалы на ногах и непрерывно дрожащее тело.

Он снова и снова повторял охрипшим, надломленным голосом:

— Я был неправ... Я всё понял...

Здесь было слишком тихо. Настолько, что каждая капля из крана, ударяясь о пол, звучала отчётливо. И каждый этот звук словно бил по натянутым нервам, вытаскивая наружу самый глубоко спрятанный страх.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем за дверью наконец послышались шаги — такие лёгкие, будто кто-то не шёл, а плыл по воздуху.

Цзян Юй вскинул голову, почти на четвереньках подполз к двери и принялся колотить по ней ладонями.

— Ты там! Я знаю, что ты там! Выпусти меня... Я правда всё понял...

Лишь спустя долгое время снаружи донёсся низкий голос с улыбкой:

— Всё понял?

— Да! — поспешно ответил Цзян Юй.

— Хочешь выйти?

— Хочу...

В следующую секунду дверь с силой распахнулась, и внутрь хлынул ослепительный свет. Цзян Юй, давно не видевший яркого света, не успел приспособиться, подался вперёд и рухнул к ногам вошедшего.

Перед глазами оказалась пара начищенных до блеска чёрных кожаных сапог.

Цзян Юй не успел опомниться: носок сапога уже приподнял его за подбородок, вынуждая задрать голову. Лицо мужчины скрывал встречный свет. Глаза защипало, слёзы сами хлынули наружу.

— Смотри на меня, Цзян Юй. Не отворачивайся, — низко и холодно произнёс мужчина.

Цзян Юй лишь распахнул налитые кровью глаза. Зрачки мелко дрожали.

От природы лицо у него было чистым и приятным, но теперь болезненная худоба исказила черты. Кожа побледнела до нездоровой белизны, тяжёлые тени под глазами будто вьелись в неё. Во всём облике чувствовалась нервная, надломленная хрупкость.

Мужчина чуть склонил голову и едва заметно улыбнулся.

— Назови моё имя.

Горло Цзян Юя сжалось.

— Ши Цзянтин.

— Кто я тебе?

Цзян Юй стиснул коренные зубы, но ничем не выдал себя. Послушно, с явным страхом, он произнёс:

— Ты мой... муж.

Ши Цзянтин улыбнулся ещё шире. Он присел и, словно награждая послушного ребёнка, потрепал Цзян Юя по волосам.

— Умница.

Цзян Юй выдавил из себя деревянную улыбку.

При ярком свете кожа обоих казалась почти одинаково бледной, но белизна Ши Цзянтина была куда страшнее — почти прозрачная, с отчётливо проступающими голубоватыми венами. А особенно пугали его чёрные глаза: пустые, лишённые блеска, похожие на бездонную пропасть.

Ши Цзянтин взял Цзян Юя за подбородок и медленно опустил взгляд на его покрасневшие, потрескавшиеся губы. Большой палец мягко провёл по ранке.

— Ну почему ты совсем себя не бережёшь? Если искусал губы до боли, кто потом будет тебя жалеть?

Цзян Юй ничего не ответил. Застывшая улыбка так и не сошла с лица.

— Пять часов взаперти. Наверное, проголодался?

— Проголодался, — тихо ответил он.

Ши Цзянтин прищурился, не переставая улыбаться.

— Муж приготовит тебе поесть. Хорошо?

— Хорошо.

Цзян Юй соглашался со всем. Что бы тот ни говорил, он не выказывал ни малейшего сопротивления.

Казалось бы, именно этого Ши Цзянтин и добивался. Но улыбка вдруг исчезла. Он оттолкнул голову Цзян Юя и ледяным голосом бросил:

— Цзян Юй, чтобы так цепляться за жизнь, тебе действительно не нужно ни капли стыда.

На подбородке Цзян Юя остались красные следы пальцев. Он поднял голову, посмотрел прямо на Ши Цзянтина и растянул губы, обнажив ряд белых зубов.

— Именно потому, что у меня нет стыда, я до сих пор и жив, муженёк.

Во взгляде Ши Цзянтина мелькнуло отвращение. Он поднялся и направился на кухню.

— Ты знаешь, когда нужно закрыть рот. Иди сядь на диван.

— Хорошо.

Цзян Юй проводил Ши Цзянтина взглядом и, пошатываясь, поднялся.

Кандалы на ногах мелодично звякнули. Под светом ламп худое обнажённое тело выглядело особенно хрупким. Тонкую талию можно было обхватить одной рукой, а сам Цзян Юй держался так шатко, будто вот-вот упадёт.

Не задерживаясь, Цзян Юй прихрамывая добрался до дивана и сел.

На кухне зажглась плита. В воздухе постепенно появился обычный домашний запах готовящейся еды.

Ши Цзянтин хозяйничал у столешницы. Нож тяжело ударял по разделочной доске — раз за разом, будто он рубил не помидоры, а человеческие кости.

Экран телевизора перед Цзян Юем оставался чёрным. Он не смотрел на него. Бесцельно оглядев комнату, Цзян Юй в конце концов намертво приковал взгляд к спине Ши Цзянтина.

О чём он думал, не знал никто.

Их особняк стоял не в городе, а глубоко в безлюдном лесу. Мрачное здание и днём выглядело неприветливо, а ночью казалось особенно одиноким и зловещим — полностью отрезанным от мира.

Внезапно небо разорвал оглушительный грохот. Молния вспорола тучи и ударила прямо в столетнее дерево во дворе. Ствол мгновенно почернел, над ним за клубился дым.

Рука Ши Цзянтина замерла. Через огромное панорамное окно он посмотрел на обугленное дерево.

Цзян Юй тихо спросил:

— Всё нормально?

— Нормально.

Ши Цзянтин отвёл взгляд и продолжил резать овощи.

Цзян Юй же не отрывался от окна. Обугленные ветви раскачивались под порывами ветра, словно когти призрака, и с сухим стуком били по стеклу, будто в любой момент могли ворваться внутрь.

Прошло десять минут.

— Муженёк, у меня нога болит, — раздался с дивана голос Цзян Юя. В нём слышалась сдерживаемая боль.

Ши Цзянтин едва заметно улыбнулся.

— Тогда муж отрубит её, потом перевяжет — и болеть перестанет. Хорошо?

Глаза Цзян Юя покраснели. Он обхватил истёртую кандалами лодыжку и жалобно произнёс:

— Но она правда очень болит... Сними их хоть ненадолго, муженёк.

«Муженёк» звучало из его уст раз за разом так мягко, что могло бы растопить любое сердце.

Жаль только, что Ши Цзянтин был мертвецом.

— Иду. Муж сейчас всё обработает.

Ши Цзянтин повернулся к нему с той же жутковатой улыбкой. В руке он держал острый кухонный нож и широкими шагами шёл прямо к дивану.

Обработает?

С таким видом он явно собирался отрубить ему ногу!

Зрачки Цзян Юя сузились. Он инстинктивно дёрнул ногу назад, но ледяная рука уже крепко сжала лодыжку.

Чёрные глаза Ши Цзянтина остановились на содранной до крови коже. Ни капли жалости.

— Потерпи. И не кричи, хорошо?

Он высоко поднял нож.

Сердце Цзян Юя подскочило к горлу.

— Подо...

ХРЯСЬ!

Нож тяжело опустился.

И разрубил...

Цепь.

Разлетелись звенья, которые несколько месяцев держали Цзян Юя в плену.

Ши Цзянтин выпрямился и сверху вниз посмотрел на него, медленно проводя пальцем по лезвию.

— Будешь послушным — это больше не понадобится. А если нет... в следующий раз так просто не отделаешься.

Цзян Юй молча смотрел на него снизу вверх.

Но настроение Ши Цзянтина снова переменилось как по щелчку. Он улыбнулся.

— Муж пойдёт дальше готовить. Если что-нибудь понадобится — зови.

Он отвернулся.

И в ту же секунду огромная ваза со всей силы обрушилась ему на затылок.

БАХ!

Ваза разлетелась на куски, кровь брызнула в стороны. Ши Цзянтин тяжело рухнул на пол.

Ударил его Цзян Юй.

Тяжело дыша, с покрасневшими глазами и зверским оскалом, он сбросил маску запуганного послушного пленника. Пошатываясь, Цзян Юй схватил окровавленный осколок, оседлал лежащего Ши Цзянтина и принялся яростно наносить удар за ударом.

— Муженёк? Муженёк, ну скажи что-нибудь! Ха-ха! Что молчишь? Я тебя, блядь, прямо до смерти люблю!

Он ударил несколько десятков раз. Кровь растеклась по полу, распускаясь огромным алым цветком.

После такого не выжил бы никто.

Ши Цзянтин больше не дышал.

Цзян Юй тяжело дышал. Короткий приступ безумия схлынул, возвращая ясность. Он вскочил: времени почти не осталось.

Нужно успеть сбежать отсюда до того, как Ши Цзянтин снова проснётся!

<http://bllate.org/book/19625/1935174>